

- [Лев Николаевич Гумилев](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
-

Лев Николаевич Гумилев

Некоторые вопросы истории хуннов

Проблема тождества азиатских хунну III в. до н.э. и европейских гуннов IV-V вв. н.э. в течение 200 лет считалась нерешенной в европейской исторической науке. В свое время К. Иностранцев, исследуя эту проблему, пришел к выводам, которые имеют основополагающее значение и сейчас.

1. «Кочевавший к северу от Китая... народ хунну образовался из усилившегося турецкого (тюркского. – Л.Г.) рода. Значительная часть подчиненных племен состояла тоже из турков, хотя... в состав государства входили другие племена, как то: монгольские, тунгусские, корейские и тибетские».

2. «После распада государства на две части (вызванного скорее политическими и культурными причинами, чем этническим различием...) северные хунну не могли сохранить самостоятельность, и часть их выселилась на запад... Хунну прошли... через Дзунгарию и Киргизские степи и вступили в Восточную Европу во второй половине IV в.».

3. «В Северо-Западной Азии и в Восточной Европе турки хунну, или гунну, столкнулись с другими племенами. Прежде всего на их пути стояли племена финские. Чем далее двигались гунны, тем более редел среди них турецкий элемент. Весьма вероятно, что между подданными Модэ и Аттилы было мало общего. Однако нам кажется несомненным, что вторжение грозных завоевателей IV-V вв. находится в связи и вызвано переворотами на крайних восточных пределах Азии»^[1].

Эту точку зрения оспаривал 20 лет спустя американский историк Отто Мэнчен-Хелфен^[2], который сформулировал следующие три положения: 1) теория, согласно которой гунны (Huns) самостоятельно пришли с Дальнего Востока, не может быть поддержана ни прямыми, ни косвенными письменными или археологическими доказательствами; 2) нет доказательств того, что гунны и хунны

(Hsiung-nu) говорили на одном языке; 3) искусство гуннов, насколько оно известно, коренным образом отлично от искусства хунну (Там же. С. 243).

Эти соображения, несмотря на огромную эрудицию автора в исследуемом им вопросе, не могут быть, однако, приняты. Они заставили нас еще раз вернуться к этой проблеме и попытаться внести необходимые уточнения, позволяющие, как нам кажется, более верно установить ход событий. О. Мэнчен-Хелфен справедливо указывает, что лингвистических данных для отождествления хунну и гуннов нет, так как язык тех и других нам неизвестен. Сиратори^[3] и Пельо^[4] нашли в уцелевших словах хуннского языка много монгольских элементов, но тот же Пельо нашел турчизмы в языке сяньби. Это только указывает на то, что в ту отдаленную эпоху тюркский и монгольский языки стояли близко друг к другу, и оба народа заимствовали друг у друга слова, на что указали уже Кастреп^[5], Рамстед^[6] и в наше время Лигети^[7]. Надо заметить, однако, что единственная уцелевшая хуннская фраза прочитана Аристовым как тюркская, а ведь строй языка значит больше, чем отдельные слова^[8].

О. Мэнчен-Хелфен, пренебрегая этим фактом, отвергает гипотезу В. Бартольда, что потомком хуннского языка в Европе является чувашский^[9], не предлагая взамен ничего. Но скепсис его не оправдан. Исследованием Б.А. Серебренникова доказывалось, что в тюркской струе чувашского языка прослеживаются тюрко-монгольские параллели от времени более древнего, чем вторжение Батыея, показывающие, что тюркоязычные предки чувашей жили около Байкала^[10].

Эти работы не могли быть известны Мэнчен-Хелфену, когда он писал свои статьи, но они обращают один из его наиболее острых доводов против него самого.

Гораздо серьезнее возражения О. Мэнчен-Хелфена по линии исторической критики нарративных источников. Хирт строил доказательство тождественности гуннов и хунну на тексте Вэйшу, сообщающем о завоевании страны Судэ народом хуни. При этом под Судэ понималась страна алан, под хуни – хунны, они же гунны^[11]. О. Мэнчен-Хелфен убедительно показывает, что Судэ – это Согд, а хуни не могут быть хуннами. Он предполагает, что хуни – это эфталиты,

отдавая дань отождествлению эфталитов с хионитами^[12]. Относительно слабости аргумента, основанного на ложном понимании топонима Судэ, Мэнчен-Хелфен, безусловно, прав. Затем в качестве очень сильного аргумента против миграции хуннов на запад Мэнчен-Хелфен выдвигает тот факт, что гунны (Huns) появились в Причерноморье до середины II в. н.э.^[13] Чтобы доказать невозможность переселения гуннов, он опровергает гипотезу Хирта о том, что это были остатки войск Чжи-чжи шаньюя, разгромленные в 36 г. до н.э. И тут он также полностью прав. Однако Мэнчен-Хелфен упускает из виду правильную дату ухода хуннов на запад – 50-е годы II в. н.э.^[14]; все приведенные им возражения недействительны.

На точку зрения Мэнчен-Хелфена в нашей науке откликнулся А.Н. Бернштам весьма краткой и неубедительной фразой: «Отто Мэнчен-Хелфен не учитывает этническую и культурную трансформацию гуннских племен, которые в процессе своего переселения, естественно, изменяли свой облик. Следует только вспомнить их путь и тот факт, что они прошли этот путь минимум за пять столетий (с середины I в. до н.э. до второй половины IV в. н.э.)»^[15]. Но именно эту дату Мэнчен-Хелфен отверг, к тому же в советской науке также доказано, что небольшой отряд Чжи-чжи шаньюя (всего 3000 чел.) был полностью уничтожен в Таласской долине в 36 г. до н.э. и никакого влияния на Среднюю Азию не оказал^[16]. Вместе с тем А.Н. Бернштам несколько ниже солидаризируется с Отто Мэнчен-Хелфеном: «Считаем необходимым подчеркнуть характерное указание на то, что какая-то часть западных гуннов возникла непосредственно на европейской почве, т.е. автохтонно». (Ук. соч. С. 138.) Таким образом, по мнению А.Н. Бернштама, гунны имели двойное происхождение – предположение, которое Бернштам не разъяснил и не доказал. А.Н. Бернштаму возразили Л.Р. Кызласов и Н.Я. Мерперт в рецензии на его книгу^[17], указав, что ядро гуннов было центральноазиатского происхождения, признавая тем самым факт переселения. Однако в краткой рецензии они не привели аргументации и не развили своей концепции так, чтобы она исключала противоположную. Вполне солидаризируясь с Кызласовым и Мерпертом, я считаю целесообразным дать разбор событий хуннской истории, с тем чтобы показать невозможность полемики негативными аргументами.

Этнографические возражения О. Мэнчен-Хелфена сводятся к следующему: гунны были безбороды, так как выщипывали себе бороды (ссылка на Аммиана Марцеллина), а хунны бородаты и носаты (ук. соч., с. 235); это верно, но разве европейцы не меняли моды на ношение бороды и бритье? Почему же отказывать в этом хуннам? Хунны, по мнению Мэнчен-Хелфена, носили косы, а гунны носили волосы, «аккуратно подстриженные в кружок» (ссылка на Приска. – Там же. С. 237.) Однако косы носили только тоба, что и отличало их от прочих племен настолько, что им даже была дана кличка «косоплеты». Хунны носили волосы на пробор, аккуратно подстригая их в кружок, что видно на бляхах из Ноин-улы, где эта «прическа» украшает голову антропоморфного быка^[18]. Далее, Мэнчен-Хелфен отмечает обычай гуннов убивать стариков, которого не было у хуннов (но такие обычаи могут и возникать), и обычай деформации черепа (ссылка на Сидония), который у хуннов также не отмечен. Между тем Г.Ф. Дебец указывает именно на краниологическую близость могильников Венгрии и Забайкалья, считая, что те и другие принадлежат палеосибирской расе^[19].

Последняя группа возражений Мэнчен-Хелфена – свидетельства археологии: он устанавливает археологическую близость гуннов с сарматами (ук. соч., с. 239), что более чем естественно, так как кочевники-гунны могли нагнать вещи у побежденных ими алан. Далее, Мэнчен-Хелфен указывает, что европейские вещи, приписанные гуннам, отличны от азиатских вещей, связанных с хуннами, и в этом видит основание для того, чтобы отвергнуть идентичность хунну и гуннов (ук. соч., с. 243). Действительно, в Ордосе для хуннов работали одни мастера, а в Паннонии для гуннов другие. Но это различие – не довод для кочевого племени, не имеющего собственных ремесленных традиций. Помимо этого, археология вовсе не так уже безоговорочно подтверждает тезис несходства хунну и гуннов. Найденная на Каталаунском поле ручка жертвенного сосуда свидетельствует о его близости к бронзовым китайским сосудам, восходящим по стилю к эпохе Шан. Подобные находки были сделаны в Венгрии, Силезии, на юге России, в Горном Алтае, Монголии и Ордосе^[20].

Вследствие этого возражения Мэнчен-Хелфена против идентификации хунну и гуннов оказываются несостоятельными, хотя

поставленная им проблема – причина несходства тех и других – негативным анализом не снимается. Хунну и гунны были действительно не похожи друг на друга, и задача историка – объяснить истоки этого несходства, что можно и должно сделать анализом хода событий, вплоть до мельчайших, за период I-II вв. н.э.

* * *

Все народы на протяжении своего исторического существования этнографически меняются, и хунны не были исключением. Их связанная история может быть восстановлена с III в. до н.э., когда шаньюй Модэ осуществил превращение конфедерации 24 родов в степную державу (Гумилев. Хунну. С. 71-84). Но и тогда родовой строй остался социальной основой державы Хунну, и это положение законсервировалось до подчинения хуннов империи Хань в середине I в. до н.э. (там же, с. 195). В эту эпоху сложился и развился тот облик хуннской культуры, который О. Мэнчен-Хелфен считает для нее характерным. Действительно, общество хуннов достигло относительно высокой степени развития; структура управления была сложной и вместе с тем гибкой; искусство – разнообразным, так как оно впитывало в себя постороннее влияние^[21]; земледелие широко распространилось, и потребность в хлебе стала регулярной; общение с Китаем было тесным и плодотворным, что выражалось в стремлении установить торговлю, которая позволила отказаться от грабительских набегов («Хунну». С. 89-91). Но полувековое подчинение Китаю нанесло этой системе непоправимый ущерб. Хозяйство хуннов не могло выдержать китайской конкуренции. Как только китайские хлеб, шелк и другие изделия потекли в Степь, хуннское земледелие и ремесло уступили место разведению скота и добыванию мехов на продажу (там же. С. 194). Молодые хунны получили возможность служить в китайских пограничных войсках, что уводило их от родового быта. Аристократы начали соприкасаться с китайским образованием и усваивать у ханьских пограничных чиновников стяжательство и склонность к произволу. Так создались предпосылки для разложения родового строя, в условиях которого продолжала жить основная масса хуннского народа.

Перевоорот в Китае, произведенный Ван Маном, и последовавшая за этим гражданская война вернули хуннам свободу, но совершенно разрушили экономический симбиоз Степи и Китая. Хуннам снова пришлось набегами добывать продукты земледелия и ремесла, к которым они успели привыкнуть. Разоренный Китай не мог без ущерба для себя удовлетворить их потребности, и война в I в. н.э. приняла более жестокие формы, чем до тех пор. Династия Хоу-Хань, приняв власть над разоренной в минувшей внутренней войне страной, не могла сдержать хуннского напора, но в самом Хунну начался процесс распада, который спас Китай. Еще раньше среди хуннов наметились два течения, породившие две враждебные группировки: ближайшее окружение шаньюев из принцев крови, фаворитов и китайских перебежчиков, вроде Вэй Люя и Ли Лина («Хунну». С. 146-148; 155), и родовые князья, как, например, Ли-ву, Гуси, Хючжуй, Югянь и др. (Там же. С. 148-149.) Условно их можно назвать: первую – «придворной» и вторую – «старохуннской» партиями. Одна вбирала иноземную культуру, которая несла собственные традиции; борьба «партий» привела Хунну к крушению в 53-50 гг. до н.э. Во главе возрожденного Хунну стали наследники бывшей «придворной» партии, шаньюй Хянь и Юй. Следовательно, глава потомков «старохуннов» царевич Би оказался в оппозиции и, спасая жизнь, откочевал в Китай со своими сторонниками в 48 г. н.э. С этого времени у хуннов началось интенсивное разложение родового строя.

До сих пор единицей в хуннском обществе был род, выступавший во внутренних войнах как монолит. Теперь члены одного и того же рода оказывались на юге и на севере и должны были бороться друг с другом. Война, начавшаяся в 48 г., протянулась до 93 г., причем между сторонами шел непрерывный обмен населением. Разве можно задержать кочевника в степи?

Однако это деление хуннов было не случайным фактом («Хунну». С. 213-216). Вокруг Би собираются бывшие сторонники «оппозиции», поборники родового быта, наиболее консервативные элементы хуннского общества. Поскольку Китай не вмешивается в их внутреннюю жизнь, они согласны сносить китайское господство.

Но жизнь внутри рода тяжела и бесперспективна для энергичных молодых людей, дальних родственников. Несмотря на свои личные качества, они не могут выдвинуться, так как все высшие должности

даются по старшинству. Таким удальцам нечего делать в Южном Хунну, где предел их мечтаний – место дружинника у старого князька или вестового у китайского пристава. Удальцу нужны просторы, военная добыча и военные почести – он едет на север и воюет за «господство над народами».

Под властью северных шаньюев скапливается весь авантюристический элемент и огромная масса инертного населения, кочующего на привычных зимовках и летовках. В новой державе родовой строй не нужен; больше того, он ей вреден. Общественная активность упала настолько, что с помощью кучки удальцов можно направлять лишенную родовой организации массу. Родовая держава медленно трансформируется в орду.

Раскол облегчил этот процесс. На юг ушли почтенные старцы и почтительные отроки, носители традиций и любители благообразия. Своим уходом они развязали руки воинственным элементам племени. Что из этого могло получиться?

Во-первых, держава северных хунну из родовой превратилась в антиродовую и, следовательно, поборники родового быта – южные хунну, ухуани, сяньби – стали заклятыми врагами северных хуннов, более ожесточенными, чем сами китайцы. Возникла борьба между двумя системами: родовым строем и военной демократией^[22]. Во-вторых, среди удальцов, окруживших северного шаньюя, должна была возникнуть борьба за места и влияние, так как сдерживающие моральные родовые начала исчезли вместе с традициями. И отзвуки смут дошли до китайских историков, хотя подробности остались неизвестными. В-третьих, массы хотели мирной жизни, и опора на них была ненадежна. Меняя господ, они ничего не выигрывали и не теряли, для них не было смысла держаться за шаньюев. Поэтому в решающий момент они отказали в поддержке шаньюям, и это обусловило разгром северных хунну в 93 г.

Однако удальцов, составляющих силу северных хунну, можно было перебить, а не победить. Перебить их не удалось, они ушли на запад, и потомки их, придя в Европу, сделали имя «гунны» синонимом насилия и разбоя.

Нет нужды проследивать всю историю гибели Северного Хунну, но важно отметить, что это государство сопротивлялось Китаю и сяньбийцам не до 93 г. н.э., а до 155 г., когда окончательный удар был

нанесен сяньбийским вождем Таншихаем («Хунну» С. 237). Вслед за этим в 160 г. встречается первое упоминание о гуннах в Восточной Европе. Следовательно, весь переход от Тарбагатая до Волги произошел за два-три года. А это значит, что 2 600 км по прямой были пройдены примерно за 1 000 дней, т.е. по 26 км ежедневно в продолжение трех лет. Совершенно очевидно, что нормальная перекочевка на телегах, запряженных волами, в этот срок не могла быть осуществлена. К тому же надо учесть, что хунны должны были вести арьергардные бои с преследующим противником. Но именно эта деталь дает возможность понять событие. Сяньбийцы не могли не настичь обозы и, видимо, отбили их, пленив стариков и детей. Воины и частично их жены, бросив все на произвол судьбы, верхом оторвались от преследователей и потерялись в степях около Урала. В этих просторах изловить конный отряд, твердо решивший не сдаваться, практически было невозможно, и сяньби повернули назад, сочтя свою задачу выполненной.

Предлагаемое решение проблемы сопоставления западных и восточных источников является интерполяцией, но все дальнейшее подтверждает вывод, построенный на расчете^[23].

Согласно нашей реконструкции хода событий, не все хунны ушли из своей родной степи. «Малосильные», которые не в состоянии были следовать за ним (т.е. северным шаньюем), остались в количестве 200 тыс. чел. в области «от Усуни на северо-запад» и «к северу от Кучи»^[24]. Этим данным соответствует район Западного Тарбагатая и бассейна Иртыша^[25]. Позднее, видимо, они продвинулись на юг до р. Или. Юебаньцы были кочевым народом с привычками, обычными для кочевников, но отличались удивительной чистоплотностью. Они мылись по три раза в день и только после этого принимались за еду^[26]. Что же, «малосильным» хуннам было у кого заимствовать культурные навыки: Согдиана была рядом. К сожалению, история их до V в. совершенно неизвестна.

Помогает историческая география: на карте эпохи Санго (220-280 гг.) все Семиречье принадлежит усуням, на карте эпохи Цзинь усуня локализируются в горах около оз. Иссык-Куль и в верховьях р. Или^[27]. Карта составлена до 304 г., поэтому мы вправе сделать заключение, что в конце III в. «малосильные» хунны с Иртыша переместились в Семиречье и оказались достаточно мощными для того, чтобы загнать

усуней в горы. В конце V в. Юебань была покорена телесцами, основавшими на ее месте ханство Гаогюй.

С 155 г., когда северные хунны оторвались от победоносных сяньбийцев на берегах Волги, до 350 г., когда гунны начали упорную борьбу с аланами, их история совершенно неизвестна.

Первое упоминание племени «гунн» в Восточной Европе имеется у Дионисия Периегета, писавшего около 160 г., но Мэнчен-Хелфен отводит этот довод, считая, что тут описка переписчика^[28]. Сведения же Аммиана Марцеллина и Иордана относятся уже к IV в.

Что же делали хунны в продолжении 200 лет? Их тесное взаимодействие с окружающими племенами было неизбежно, тем более что у них, естественно, должно было не хватать женщин. Не каждая же хуннка могла выдержать 2000-верстный переход в седле!

Обратимся к литературным источникам. По сообщению Иордана, гунны – народ, возникший от сочетания скифских ведьм, изгнанных готским королем Филимером, и «нечистых духов», скитавшихся в пустыне. Самое вероятное предположение, что под «нечистыми духами» понимались пришлые кочевники, искавшие жен среди местного населения.

Против такого понимания источника Отто Мэнчен-Хелфен возражает в другой статье о происхождении гуннов. Сведение Иордана он считает списанным из христианских и позднеиудейских легенд и в доказательство приводит много аналогий^[29]. Однако можно возразить, что эта гипотеза родилась у древних авторов для объяснения таких уклонений от нормы, которые им представлялись чудовищными. (Там же. С. 246.) Равным образом представлялись чудовищами гунны готам, чего не могло бы быть, если бы гунны жили по соседству с готами: тогда к ним успели бы привыкнуть.

Таким образом, тезис К.А. Иностранцева о широкой метизации пришлого, тюркского, и местного, угорского, элементов, при нашей реконструкции хода событий подтверждается, а это объясняет проблему несходства хунну и гуннов.

Но не только факт смешения объясняет нам то, что быт и строй хунну и гуннов были весьма непохожи. Уже после разделения державы в 48 г. на севере скапливался активный элемент, терявший родовые традиции и приобретающий за счет этого навыки военного дела. На запад в 155-158 гг. ушли только наиболее крепкие и отчаянные вояки,

покинув на родине тех, для кого седло не могло стать родной юртой. Это был процесс отбора, который повел к упрощению быта и одичанию, чему способствовала крайняя бедность, постигшая беглецов. Все это определило изменение этнографического облика народа. В то же время были утеряны высокие формы общественной организации и институт наследственной власти.

Итак, мы видим, что на поставленный Мэнчен-Хелфеном вопрос: были ли гунны хуннами, – нельзя ответить ни да, ни нет. Перешедшая в Европу часть хуннов была группой, сложившейся в результате естественного отбора, и эта группа унаследовала далеко не все стороны культуры азиатских хуннов. Она вынесла только военные навыки и развила их. Затем сделала свое дело метизация и, наконец, соседство с новыми культурными народами. Короче говоря, гунны были в таком отношении к хуннам, как американцы к англичанам или, еще точнее, мексиканцы – креоло-индейская помесь – к испанцам. Факт же миграции несомненен, и, более того, именно он объясняет те глубокие различия, которые образовались между азиатскими культурными хуннами и их деградировавшей европейской ветвью, так что для сомнений Отто Мэнчен-Хелфена не остается места.

notes

Примечания

Иностранцев К.А. Хунну и гунны // Тр. туркологического семинария. Т. I. Л., 1926. С. 181-119.

Maenchen-Heifen O. The Huns and the Hsiung-nu // Byzantion. American Series, III. T. XVII (1945). P. 222-243.

Sciatori K. Über die Sprache der Hiungnu und der Tunghu-Stämme.
Bulletin de l'Academie Imperiale des Sciences de S.-Petersbourg. V Serie.
Bd. XVII. N2 (отдельный оттиск). SPb., 1902.

Grousset R. Histoire de l'Extreme Orient. P., 1929. P. 207.

Casfren M.A. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker.
SPb., 1857. S. 35-36.

Ramstedt M.G.S. Über den Ursprung der turckischeii Sprache.
Helsinki, 1937. S. 81-91.

Ligeti L. Mots de civilisation de Hautee Asie en transcription chinoise
// Acta Orientalia. Budapest, 1950. P. 141-149. Ср.: Гумилев Л.Н. Хунну.
М., 1960. С. 49.

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // Живая старина. Т. III-IV. 1896.

Bartold W. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Turken
Mittelasiens. B., 1935. S. 30-31.

Серебренников Б.А. О происхождении чувашского народа: Сб. статей. Чебоксары, 1957. С. 40-42.

Аристов Н.А. Ук. соч. С. 293.

Ср. Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в.// ВДИ. 1959. No 1.
С. 131-132.

Maenchen-Helfen. Op. cit. P. 232.

McGovern W. The Early Empires of Central Asia. L, 1939. P. 307-308.

Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951. С. 117.

Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. Вып. 64. 1956. С. 3-14; Гумилев Л.Н. Таласская битва 36 г. до н.э. // Исследования по истории культуры народов Востока: Сб. в честь акад. И.А. Орбели. С. 161-166.

ВДИ. 1952. No 1. С. 101-109.

Trever K. Excavation in northern Mongolia. Leningrad, 1932. Tab. 25.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 121-123.

Takats Z. Catalannischer Hunnenfund und seine ostasiatische Verbindungen // Acta Orientalia... V (1955). S. 143-173.

Гумилев Л.Н. Хунну. С. 192; Киселев С.В. Древние города Монголии // СА. 1957. No 2. С. 91-101.

В Европе военная демократия уживалась в рамках родового строя, так как дружины герцогов были немногочисленны относительно содержащего их народа. В степной Азии появились орды, включавшие в себя все население и организованные как дружины, что полностью снимало возможность сохранения родовых отношений. Родовые конфедерации и орды всегда враждовали между собой.

Помимо общих соображений, основанных на учете географии и исторической стратегии, то, что хунны отступали именно таким образом, находит неожиданное подтверждение в материалах палеоантропологии: «На пути следования гуннов от Селенги до Дуная остатков палеосибирского типа почти нигде не найдено, за исключением Алтая» (Дебец Г.Ф. Ук. соч. С. 123).

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 258-259.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 136-138.

Бичурин Н.Я. Ук. соч. Т. II; Mc Govern W. Op. cit. S. 365.

Бичурин Н.Я. Ук. соч. Т. III. 1953. Карты.

Maenchen-Helfen O. The Legend of the Origins of Huns // Byzantion.
V. XVII (1945). S. 244-252.

Maenchen-Helfen 0. The Legend... S. 244-251.